



УДК 930.1

ПРОБЛЕМА ИСТОРИЧЕСКОГО СОЗНАНИЯ МОЛОДЕЖИ В СОВРЕМЕННОЙ НЕМЕЦКОЙ ФИЛОСОФИИ



Линченко Андрей Александрович –
кандидат философских наук, доцент кафедры государственной
и муниципальной службы и менеджмента,
Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
E-mail: linchenko1@mail.ru

Статья посвящена особенностям рассмотрения проблемы исторического сознания молодежи в современной немецкой философии; анализируются основные модели исторического сознания молодежи, сложившиеся в немецкой философии и социально-гуманитарном знании в конце XX – начале XXI в. Произведен сравнительный анализ статических и динамических моделей; подчеркивается, что проблема исторического сознания молодежи имеет приоритетное значение среди современных исследований исторического сознания. Историческое сознание молодежи из отдельного аспекта изучения исторического сознания начинает превращаться в самостоятельное понятие. Важнейшей особенностью всех попыток философского осмысления феномена исторического сознания молодежи в ФРГ является тесная связь с педагогикой и шире – дидактикой истории. Ориентация на нарративный подход в понимании сущности, структуры и особенностей трансформации исторического сознания способствовала гносеологизации, психологизации изучения исторического сознания молодежи, а также стремлению рассматривать его, прежде всего, в индивидуальном контексте. **Ключевые слова:** историческое сознание молодежи, исторический опыт, нарратив, нарративная компетентность, историческое смыслообразование.

Ускорение социальной динамики, рост социальной мобильности в мире, глобализация, феномен общества риска продолжают сегодня выступать источником формирования новых исследовательских полей социально-гуманитарного знания вообще и философии истории в частности. Одной из важнейших в современной философии истории продолжает оставаться проблема национальной идентичности и социокультурной преемственности. В зарубежной философии она усложняется теми выводами, которые вносит в современное философствование об истории постмодернизм, акцентирующий внимание на прерывности, мозаичности, фрагментарности исторического бытия и исторического сознания. Особое место поэтому занимает проблема осмысления исторической преемственности и целостности исторического сознания в нынешней единой Европе, что требует согласования различных сторон исторического опыта не только разных поколений европейцев, но, что еще более важно, народов, входящих в Евросоюз. В связи с этим, как справедливо отмечается в зарубежных

исследованиях, именно молодежь оказывается тем важнейшим субъектом исторического сознания и исторической культуры, благодаря которому возможно движение на пути к определенной целостности пространства исторического опыта. Тема молодежного восприятия исторического опыта в современной философии истории актуализируется также и в контексте превращения антропологического подхода в важнейшую и неотъемлемую составляющую современной философской рефлексии. Возраст как одна из ключевых проблем философской антропологии через антропологический подход и историю повседневности попадает в философию истории, а возрастные особенности восприятия прошлого начинают превращаться в самостоятельный ракурс изучения исторического сознания и исторической культуры.

Концепт «историческое сознание молодежи» входит в научный оборот только в начале XX в. Данный термин являлся продуктом немецкой культурной среды, и вплоть до 80-х гг. XX в. исследования исторического сознания молодежи проводились преимущественно в Западной Германии. Интерес исключительно немецкой науки к этой проблематике был вызван катастрофическими событиями немецкой истории XX в. и необходимостью для новых поколений немцев восстанавливать культурно-историческую связь с их предшественниками. Важнейшую роль в осмыслении проблемы исторического сознания молодежи сыграло развитие особого направления педагогики в ФРГ – дидактики истории – в 1960–1980-е гг., которая переориентировала методику преподавания истории в школе в русло философии исторического образования [1, с. 2]. После 1989 г. распространение получают, прежде всего, социологические исследования, важнейшей целью которых было выявление культурной специфики исторического сознания молодежи и наличия межкультурных универсальных механизмов его бытия. Вместе с тем многочисленные социологические, социально-психологические и педагогические исследования стимулировали по-



пытки философской концептуализации понятия «историческое сознание молодежи», наибольший вклад в рассмотрение которого продолжают вносить представители немецкой философии и дидактики истории. Важнейшей особенностью этих попыток философского осмысления феномена исторического сознания молодежи в ФРГ является тесная связь с педагогикой и шире – дидактикой истории.

Одной из наиболее распространенных моделей исторического сознания молодежи, ставшей методологическим ориентиром для социологических исследований детей и подростков, является модель исторического сознания Х. Ю. Панделя, которая, однако, мыслилась автором в качестве лишь модели индивидуального исторического сознания и применялась им и исследователями только в отношении детей. По его мысли, историческое сознание конституируется не мыслительными операциями, но различными аспектами осознания или «измерениями», которых он насчитывает семь (сознание времени, сознание действительности, сознание историчности, сознание идентичности, политическое сознание, экономико-социальное сознание, моральное сознание). Каждое из данных измерений сопоставимо с формами общественного сознания, если говорить о них в традиционном марксистском смысле. Разница только в том, что эти измерения исторического сознания разделяются Панделем на две большие группы: отражающие историчность (первые три) и отражающие общественность (оставшиеся четыре) [2, с. 3–4].

Другой, не менее распространенной моделью исторического сознания молодежи является модель Б. фон Борриса, инициатора многочисленных социологических исследований исторического сознания молодежи в ФРГ и за ее пределами в 1980–1990-е гг. Она, как и предыдущая, во многом является статичной, а также ориентированной на личностное отношение к прошлому. Восходящая структура обусловила её название – «пирамида исторического сознания». Данная модель является «гносеологической» по своему содержанию, хотя и включает в себя эмоциональный, эстетический и нравственный компоненты. Сфера исторического сознания, по мнению Б. фон Борриса, есть крайне индивидуальная сфера. Историческое мировоззрение людей полностью зависит от их личных потребностей, связанных с искусством и состоянием морали, большое значение имеет и биография человека. В индивидуальном историческом сознании исследователь выделяет четыре уровня [3, с. 12]: первый представляет сферу неосознаваемого восприятия истории в силу отсутствия

о ней даже минимальных знаний, исторический процесс на данной ступени воспринимается как действие эмоциональных всеохватывающих сил, детерминирующих все стороны жизни человека; второй основан на эстетическом отношении к истории, выраженном в «эпическом», и наделяет ее атрибутами «легендарности», что является предпосылкой стремления понять ее во всей полноте и, как следствие, в ее завершенности; третий уровень базируется на моральных оценках истории, основанных на конкретных исторических знаниях. Речь идет об узкоспециализированном интересе к прошлому и, как сказал бы Х.-Г. Гадамер, осознанности традиции своего способа осмысления истории. Четвертый уровень представляет собой сферу исторического понимания и ответственного действия в текущей жизни благодаря критическому осознанию исторического опыта.

Модели Х.-Ю. Панделя и Б. фон Борриса являются статичными и описывают историческое сознание молодежи как систему элементов, имеющих определенную структуру. Историческое сознание в рамках данных моделей есть, прежде всего, индивидуальное отражение прошлого, основанное на исторических знаниях. Данные модели также не дают ответа на вопрос, как изменяется историческое сознание молодежи и, что самое главное, какова роль возрастных особенностей восприятия прошлого в сознании молодежи. Гораздо более продуктивными представляются модели исторического сознания молодежи, стремящиеся понять динамику исторического сознания через анализ исторического смыслообразования как процесса придания смысла опыту времени. В связи с этим укажем на модель исторического сознания Й. Рюзена, а также исследования исторического сознания молодежи в работах Ю. Штрауба и К. Кёльбла.

Поскольку мы уже подробно рассматривали теоретическую модель исторического сознания Й. Рюзена, остановимся лишь на самых общих ее положениях [4]. Основное отличие данной модели от предыдущих заключается в попытке соотносить историческое сознание с категорией времени и с социальной практикой, что вне всяких сомнений превращает данную модель в «онтологическую» по своему духу. Прошлое для Рюзена – это часть культуры памяти и деятельности исторического сознания, которое имеет нарративную природу. Само историческое сознание понимается им как совокупность ментальных операций (эмоциональных и когнитивных, сознательных и бессознательных), служащих цели соединения опыта прошлого, интерпретаций настоящего и ожиданий будущего, формиру-



ющих практическое ориентирование в жизни. Его учение о четырех типах исторической наррации – традиционном, поучительном (*exemplary narrative*), критическом и генетическом – легло в основу многочисленных исследований исторического сознания молодежи в ФРГ и за ее пределами (Н. Блануса, Ф. Кан, У. ван Бик, С. Ахонен) и, прежде всего, масштабного проекта изучения исторического сознания молодых европейцев «*Youth and History*» в 1995 г. [5].

В конце 1990–2000-е гг. исследования исторического сознания получили развитие в русле так называемой нарративной психологии или «нарративной психологии исторического мышления». Несмотря на то, что сами представители данного направления говорят о психологических аспектах изучения исторического сознания молодых людей, большинство их выводов имеют философско-психологическое и собственно социально-философское значение. Сторонники данного направления едины во мнении, что проблемы смыслообразования, памяти, исторической травмы и детравматизации, идентификации, наррации есть психологические процедуры. Утверждая, что психология одна из немногих наук, не подвергнувшись активному влиянию постмодернизма, они делают акцент на разработке понятия «нарративная компетентность» и способности исторического сознания конструировать нарративы, которые бы репрезентировали прошлое при учете настоящего и будущего с минимальными искажениями. Исследования исторического сознания должны быть направлены на конкретные психологические исследования «нарративной компетентности» [6, с. 4].

Развивая позицию Дж. Брунера, разделявшего парадигматическое и нарративное мышление, немецкий исследователь Ю. Штрауб утверждает, что наррация – это центральная функция для психологии исторического смыслообразования. История, по его мысли, – это мир, структурированный значениями, а прошлое – «нарративный конструкт», очерченный из перспективы настоящего и ограниченный интеллектуальными, лингвистическими и коммуникативными предпосылками. При этом Штрауб предлагает различать событийную историю и историю как символическую конструкцию (историческая реальность), созданную в процессе исторической репрезентации. Историческое сознание, по его мнению, это теоретический конструкт, принадлежащий словарю психологии исторического мышления, а теория исторического сознания однозначно рассматривается им как элемент более общей теории психологического конструирования исто-

рических значений. Это заставило его признать нарратора (повествователя) объектом психологического анализа, отдельно выделив понятие нарративной истины: «Что интересует нарратив в первую очередь – так это сам говорящий и его “ожидаемое” восприятие. Только в исключительных случаях нарратив интересует оценка исторического знания со стороны фактуальных и методологических стандартов профессии историка. Принятие подобных стандартов было бы непониманием статуса психологической истины» [7, с. 68]. Однако немецкий исследователь говорит и о необходимости прагматического использования категории «исторический нарратив». В его понимании, это выражается в необходимости особого обучения детей и студентов, где критерием могла бы служить «нарративная компетенция». Данное понятие определяется им как «рациональная способность субъектов, обучающихся рассказывать и думать исторически и учитывающая их социокультурную обусловленность» [7, с. 77]. Упоминая о важности возрастной психологии, Ю. Штрауб хотел бы видеть в основании историко-нарративной компетенции прежде всего когнитивную способность.

В 2000 г. под руководством К. Кёльбла и Ю. Штрауба было проведено социологическое исследование, важнейшей задачей которого являлось обоснование и подтверждение идеи о том, что историческое сознание необходимо рассматривать в качестве культурно-обусловленного феномена [8]. По их мысли, это персональная способность ориентации во времени, а также средство идентификации себя и другого. Исследование представляло собой интервью с молодыми людьми в возрасте 13–14 лет. Приоритетный вопрос исследования: как молодежь вовлекается в историческую наррацию и какова специфика их исторических нарративов? Интервью с немецкими учениками показали довольно развитый уровень осознания различных модусов времени – настоящего как будущего прошлого и будущего как элемента прошлого. Кроме того, интервью показали осознание неполноты и ангажированности учебников, литературного вымысла, различия «прошлого» и «знания о прошлом». Особенно интересен вывод исследователей о том, что необходимо говорить о различных формах и проявлениях исторического сознания даже внутри одной возрастной группы. Эти и другие выводы К. Кёльбла нашли отражение в его монографии [8], посвященной проблемам исторического смыслообразования и формирования исторической идентичности в юношеском возрасте. Книга представляет собой описание результатов эмпирического психологического исследования,



включающего подробный анализ двенадцати интервью с шестью группами учащихся 6, 8 и 10-х классов по четыре человека в каждой. Предмет его исследования – эмпирическое изучение онтогенеза исторического сознания в пространстве форм и способов исторического обучения. В его работе впервые в зарубежной науке была предпринята попытка соотношения различных методологий анализа исторического сознания: герменевтического метода, методов возрастной психологии Ж. Пиаже, культурно-исторической теории Л. С. Выготского и нарративной психологии Дж. Брунера.

Своим исследованием К. Кёльбл пытается опровергнуть мысль о недостатке исторического сознания в юношеском возрасте. Более того, он полагает, что историческое сознание молодежи – это сложный комплекс и развивающийся феномен, предполагающий множество уровней, форм и типов. Анализируя результаты исследования, К. Кёльбл говорит о существенном различии исторического сознания студентов и старших школьников. Речь должна идти об индивидуально-нарративном контексте смыслообразования и исторического мышления. Само историческое мышление Кёльбл понимает как конкретные исторические факты, помещенные в темпоральные отношения, синтезируемые посредством нарратива [9, с. 25]. Вообще нарратив оказывается центральной категорией в работе Кёльбла, отвечая за механизм и процесс формирования идентичности, смыслообразования, хранения и передачу смыслов, что, на наш взгляд, несколько расширяет функции нарратива, превращая его в субстрат социальных изменений. Интересными представляются выводы учёного о научном и экзистенциальном измерениях исторического сознания, необходимости понимания исторического сознания молодежи как единства когнитивного (историческое мышление, историческое знание, историческое понимание, историческая перспективизация), мотивационного (исторический интерес) и эмоционального (чувство истории) компонентов.

В своей работе К. Кёльбл показывает глубокую взаимосвязь между идентичностью молодых людей и социокультурной средой. Причем чем старше молодые люди, тем эта связь сильнее, что выражается в способности большей дифференциации от общего к частному и от человечества к социальной группе или классу [9, с. 348]. Вместе с тем анализ исторического сознания у Кёльбла, по сути, сводится к анализу форм исторического знания и нарративных способностей на разных стадиях юношеского развития. К этому добавим не совсем проясненную теоретико-методологи-

ческую позицию автора по вопросу соотношения деятельностного и нарративного понимания психики, а также проблему «включения» нарративов и языковых структур в социальное пространство того или иного субъекта исторического сознания. Также вызывает сомнение абсолютизация роли нарратива как важнейшего средства артикуляции исторического опыта. В современной литературе подчеркивалось, что нарратология оставляет за скобками социальные факторы организации опыта человеческой жизни: человек может пребывать в различных социальных полях, а индивидуальность есть не последовательность историй, а пересечение социальных ролей (П. Бурдьё), а время не может быть полностью уложено в нарративные конструкции (Г. Стросон). В одном из недавних сборников статей, вышедших в ФРГ, вообще подчеркивается, что существует многообразие форм описания истории до- и вненарративными способами [10].

Таким образом, подводя краткие итоги исследования, хотелось бы отметить, что проблема исторического сознания молодежи имеет приоритетное значение среди исследований исторического сознания в современной немецкой философии и социально-гуманитарном знании. Особенно важно, что историческое сознание молодежи из отдельного аспекта изучения исторического сознания начинает превращаться в самостоятельное понятие. Говоря о различных моделях исторического сознания молодежи, следует условно разделить их на статичные (изучающие преимущественно структуру) и динамические (изучающие трансформации исторического сознания). Рассматривая историческое сознание молодежи, современные авторы за рубежом указывают на необходимость его анализа в тесной связи с конкретными психолого-педагогическими исследованиями. Ориентация моделей Й. Рюзена и К. Кёльбла на практику как важнейшее условие анализа сущности исторического сознания способствует росту интереса к культурно-исторической теории Л. С. Выготского и шире – деятельностному подходу. Несмотря на большой авторитет герменевтической философии, проблема исторического сознания молодежи в немецкой культурной среде испытала на себе влияние постмодерна, что отразилось в активном исследовании проблемы нарратива.

Вместе с тем ориентация на нарративный подход в понимании сущности, структуры и особенностей трансформации исторического сознания способствовала гносеологизации, психологизации изучения исторического сознания молодежи, а также стремлению рассматривать



его, прежде всего, в индивидуальном контексте. Позиция большинства немецких исследователей, полагающих, что историческое сознание молодежи не просто отражает и тематизирует время, но органически связывает все три его модуса, предполагает приоритет именно социально-философского подхода к историческому сознанию, а не психологического. Очевидно, что историческое сознание молодежи как социальной общности не может быть уподоблено отдельному человеку, а механизмы его воспроизводства не всегда могут быть теоретически верно описаны и объяснены с помощью психологических понятий. Тем не менее опыт немецких исследователей в осмыслении исторического сознания молодежи существенно расширяет теоретические представления и однозначно может служить важной вехой на пути к пониманию формирования осознания перспектив социокультурной преемственности и связи поколений.

Работа выполнена при финансовой поддержке гранта РГНФ «Трансформация исторического сознания молодежи в обществе риска: источники, механизмы, закономерности, перспективы» (проект № 14-33-01237).

Список литературы

1. *Jeismann K.-E.* Geschichtsbewußtsein als zentrale Kategorie der Geschichtsdidaktik // *Geschichtsbewußtsein und historisch-politisches Lernen* / G. Schneider (Hrsg.). Pfaffenweiler, 1988. S. 1–26.
2. *Pandel H.-J.* Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen // *Geschichtsbewusstsein empirisch* / Bodo von Borries (Hrsg.). Pfaffenweiler, 1991. S. 3–15.
3. *Borries B. von.* Geschichtslernen und Geschichtsbewusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und Gebrauch von Historie. Stuttgart, 1988. 256 s.
4. *Линченко А. А.* Проблема исторического сознания в философии и теории истории Йорна Рюзена // *Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. Философия. Психология. Педагогика.* 2013. Т. 13., вып. 4. С. 22–27.
5. Youth and history : a comparative european survey on historical consciousness and political attitudes among adolescents : in vol. A, B. / eds. M. Angvik, von B. Borries. Vol. A: Description. Hamburg, 1997. 482 p.
6. *Polkinghorne D.* Narrative Psychology and Historical Consciousness: Relationships and Perspectives // *Narration, identity and historical consciousness* / ed. by J. Straub. L., 2005. P. 3–23.
7. *Straub J.* Telling stories, making history. toward a narrative psychology of the historical construction of meaning // *Narration, identity and historical consciousness.* L., 2005. P. 44–99.
8. *Kölbl C., Straub J.* Historical consciousness in Youth. Theoretical and exemplary empirical analyses // *Forum qualitative sozialforschung.* 2001. Vol. 2, № 3. September. URL: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01koelblstraub-e.htm> (дата обращения: 12.05.2012).
9. *Kölbl C.* Geschichtsbewußtsein im Jugendalter. Grundzüge einer Entwicklungspsychologie historischer Sinnbildung. Bielefeld, 2004. 389 s.
10. *Erfahrung und Geschichte : historische sinnbildung im pranarrativen* / ed. by Th. Breyer, D. Creutz. Berlin ; N.Y., 2010. 372 s.

The Problem of Historical Consciousness of Young People in Contemporary German Philosophy

A. A. Linchenko

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (RANEPA)
82, Vernadskogo ave., Moscow, 119571, Russia
E-mail: linchenko1@mail.ru

The article is devoted to the peculiarities of consideration of the problem of historical consciousness of the youth in modern German philosophy. The article analyzes the basic models of historical consciousness of the youth, established in German philosophy and social sciences and humanities in the late XX and beginning of the XXI centuries. The comparative analysis of static and dynamic models was conducted. The article emphasizes the idea that the problem of historical consciousness of young people is of prime importance in the contemporary studies of historical consciousness. Historical consciousness of the youth is transforming into a self-concept from a separate aspect of the study of historical consciousness. The most important feature of all the attempts of philosophical understanding of the phenomenon of historical consciousness of young people in Germany is a close connection with pedagogy and didactics of history. The article notes that the focus on the narrative approach to the understanding of the nature, structure and features of the transformation of historical consciousness contributed to epistemological and psychological aspects of the studies of historical consciousness of young people, as well as to the desire to consider it especially in the individual context.

Key words: historical consciousness of young people, historical experience, narrative, narrative competence, formation of historical meaning.

References

1. *Jeismann K.-E.* Geschichtsbewußtsein als zentrale Kategorie der Geschichtsdidaktik (Historical consciousness as main category of didactics of history). *Geschichtsbewußtsein und historisch-politisches Lernen* (Historical consciousness and historical and political education). Ed. by G. Schneider, H. Gerhard. Pfaffenweiler, 1988, pp. 1–26.
2. *Pandel H.-J.* Geschichtlichkeit und Gesellschaftlichkeit im Geschichtsbewusstsein. Zusammenfassendes Resümee empirischer Untersuchungen (Historicity and sociality in historical consciousness). *Geschichtsbewusstsein empirisch* (The empirical studies of Historical consciousness). Ed. by B. von Borries. Pfaffenweiler, 1991, pp. 3–15.

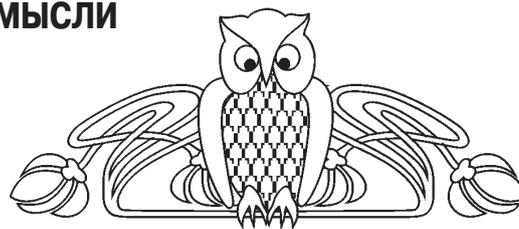


3. Borries B. von. *Geschichtslernen und Geschichtsbe-
wusstsein. Empirische Erkundungen zu Erwerb und
Gebrauch von Historie* (History education and historical
consciousness. Empirical explorations to acquisition and
use of history). Stuttgart, 1988. 256 p.
4. Linchenko A. A. Problema istoricheskogo soznaniya v
filosofii i teorii istorii Jorna Ryuzena (The problem of
historical consciousness in the Jörn Rüsen's philoso-
phy and theory of history). *Izv. Saratov Univ. (N. S.),
Ser. Philosophy. Psychology. Pedagogy*, 2013, vol. 13,
iss. 4, pp. 22–27.
5. *Youth and History: A comparative European survey on
historical consciousness and political attitudes among
adolescents*: vol. A, B. Ed. by M. Angvik, B. von Borries.
Vol. A: Description. Hamburg, 1997. 482 p.
6. Polkinghorne D. Narrative psychology and historical con-
sciousness: Relationships and perspectives. *Narration,
identity and historical consciousness*. Ed. by J. Straub.
London, 2005, pp. 3–23.
7. Straub J. Telling stories, making history. Toward a nar-
rative psychology of the historical construction of mean-
ing. *Narration, Identity and historical consciousness*.
London, 2005, pp. 44–99.
8. Kölbl C., Straub J. *Historical consciousness in Youth.
Theoretical and Exemplary Empirical Analyses*. Forum
Qualitative Sozialforschung. 2001. Vol. 2, no. 3. Sep-
tember. Available at: <http://www.qualitative-research.net/fqs-texte/3-01/3-01koelblstraub-e.htm> (accessed 12 May 2012).
9. Kölbl C. *Geschichtsbewußtsein im Jugendalter. Grund-
züge einer Entwicklungspsychologie historischer
Sinnbildung* (Historical consciousness in adolescence.
Principles of Developmental Psychology of historical
sense-making). Bielefeld, 2004. 389 p.
10. *Erfahrung und Geschichte: historische Sinnbildung im
pranarrativen* (Experience and history: historical sense-
making in prainarrative). Ed. by Th. Breyer and D. Creutz.
Berlin; New York, 2010. 372 p.

УДК 111+929 Ницше

ОНТОЛОГИЯ НИЦШЕ В ЗЕРКАЛЕ РУССКОЙ МЫСЛИ СЕРЕБРЯНОГО ВЕКА

Магда Андрей Владимирович –
аспирант кафедры философии и методологии науки,
Саратовский государственный университет
E-mail: saratovrai1@gmail.com



В статье рассматривается феномен адаптации онтологии Ницше в русской культуре Серебряного века и влияния немецкого философа на символизм. Особое внимание уделяется новой интерпретации ницшеанской философии в контексте отечественной мысли России, в частности В. С. Соловьевым. Критическая оценка нравственных устоев интеллигенции той эпохи основывается на статье С. Л. Франка, которая отражает позицию русской интеллигенции после революции 1905–1907 гг. Исследуются в онтологической перспективе кризисные явления нигилизма, вызвавшие трагические и переломные процессы трансформации культурно-философского поля русской мысли.

Ключевые слова: онтология, нигилизм, Ницше, Серебряный век, символизм.

Фридрих Вильгельм Ницше – философ, всегда устремленный в будущее, который, живя в XIX в., продумал проблемы следующего, XX в., поэтому огромно влияние его философии и на XXI в. Удивительно звучат слова Ницше о себе: «Я знаю свою судьбу. Мое имя будут вспоминать в связи с кризисом, какого никогда не было на земле, глубочайшим конфликтом сознания, разрывом со всем, во что раньше свято верили. Я не человек, я динамит. Я опровергаю

все, как никто и никогда не опровергал, и все же я – антитезис негативного духа <...> И вместе с тем, я еще и необходимым образом – человек судьбы <...> Грядут войны, каких еще земля не видала. С меня начинается на земле великая политика» [1, с. 266].

Ницше понимает себя именно как человека судьбы, того, кто противостоит всему. Немецкий философ разоблачает идеализм и историцизм: «Прогресс – всего лишь новомодная идея, к тому же ложная» [1, с. 266]. Заявления точных наук об обладании истиной для него беспочвенны. У Ницше Бог мертв. Христианство и христианское сострадание суть болезнь. Происходит противопоставление морали рабов и морали аристократов. Победа аристократической морали – это сказать «да» себе. Раб говорит «да» другим, но не самому себе. «Умоляю вас, братья мои, оставайтесь верными земле, не доверяйтесь тем, кто внушает вам сверхъестественные надежды. Они отравляют вас, сознательно или нет. Они глумятся над жизнью, отравители самих себя: земля устала от них, так гоните же их прочь!» Из